

М. ГОРЬКИЙ.

О БОЙКОСТИ.

Один из литераторов, добродушно за-
данных мною в «Письме к С. С. Фимови-
чу», утешает меня в том, что я не-
правильно оценил его талант. Он обидел
его лично, назвав писателя «бойким».

Бойка говорят: «Бойка парень» —
это похвала, а не порицание. Но в дан-
ном случае, когда речь идет о писателе,
этот термин имеет другое значение. Оно
смысленно противоположно тому, что его
словесная бойкость — не похвальна, не
уместна и даже вредна в таком глубоком
смысловом деле, каким является наша
советская литература. Если он действи-
тельно почувствовал это, его можно
поздравить, ибо: значит, он начинает
замечать существенное и резкое разли-
чие между бойкостью и боевым, револю-
ционным отношением к работе словес-
ного, художественного творчества «об-
ективной действительности». Это раз-
личие понимается, видимо, не легко.

Время повелевает требовать строжай-
шей точности формулировок, а у нас
еще есть те, кто учится искус-
ству этой точности. Мы живем в напря-
женной, героической и успешной рабо-
те строительства нового мира и живем
в состоянии непрерывной войны со ста-
рым миром, злейшая ненависть которо-
го растет вместе с нашими победами.
Вместе с нашим, все быстрее растущим
влиянием на пролетариат всех стран,
как вся работа нашей партии, наша ли-
тература — боевое революционное дело.
В задаче: борьба против прошлого в
настоящем и утверждение социалисти-
ческих достижений настоящего как сту-
пени на высоту социалистического бу-
дущего. Выполнимы ли эти задачи по-
средством многословия, пустословия и
забора уродливых слов из мешанного
лексикона пролетариата? Просту понять: я
говорю не о смысле книг, — это дело кри-

тиков, — я говорю о необходимости тех-
нически грамотного отношения к рабо-
те, о необходимости бороться против за-
соренности языка мусором, уродливо при-
думаных слов, о необходимости учить-
ся точности и ясности словесных изо-
бражений. Литературный и речевой язык
наш обладает богатейшей образностью и
гибкостью, не зря Тургенев назвал его
«великим, прекрасным». Нельзя ссы-
латься на то, что «в нашей области
так говорят», — книги пишутся не для
одной какой-то области. В нашей огром-
ной стране существуют места, еще
слабо освещенные лучами Октября, тем-
ные места, где население продолжает
употреблять плохо освоенные слова чу-
жих языков, безобразные слова. Процесс
освоения иностранных слов должен за-
кончен тогда, когда чужие слова фону-
тически сродны освоенному языку.
За годы революции нами созданы и
освоены десятки чужих слов, например,
листаж, типаж, выраж, монтаж, хатту-
раж, но это потому, что раньше мы
освоили слова: паж, багаж, кураж, а
еще раньше в наш язык вторглись
слова: страж, краж, тиж и т. д. Второе
естественно заменить слово «правило»
более кратким английским — «руль».
Все языки стремятся к точности, а точ-
ность требует краткости, ясности.

После 1812 года два французских
слова — «шерамизинж», «серамизинж»,
сделавшие по типу: подвизинж, вынужинж
и т. д. Шерамизинж значит: поприщай-
ка, падеинж, обманщик, — вообще
жалкий и ненадежный человек, и в этом
словах заключено сложное впечатление,
которое вызывалось пленными францу-
зами. Слово пришло легко в рече-
вой обиход потому, что у нас есть

скрип, хрип. И всегда причиной осво-
ения слов чужого языка служат их
краткость и звуковое родство с языком
осволяющим.

Нет никаких причин заменять слово
«есть» блатным словом «шамать» и
вообще вводить в литературу блатной
язык. Нет смысла писать «бубенчик
звенякает», когда имеются более точные
звукообразные определения: бря-
кает, звякает, брочит. Я предлагаю
молодым литераторам обратить внимание
на «частушки» — непрерывное и пол-
ностью «народное» творчество рабочих и
крестьян. Много ли мы найдем в ча-
стухах провинциализмов, уродливых
местных речений и бессмысленных
слов? Обойдем в сторону подражания
частушкам, сочиняемые свободомысля-
щими мещанами и скептически на-
строенными шутниками, мы увидим,
что частушки строятся из чистого язы-
ка, и если иной раз слова в них сокра-
щены, изменены, это делается всегда в
уточну ритму, рифме.

Разговорники о необходимости обога-
щения русского языка подражают по
своей искренности и безрезультатности,
если не считать положительным резуль-
татом засорение языка хламом. Весьма
многие литераторы восхищаются сло-
вотворчеством Велмира Хлебникова и Ан-
дрея Белого, однако не замечают, что
кто-нибудь из восхищающихся пользо-
вался лексикон названных авторов. Я
не поклонник Хлебникова и Белого, на
мой взгляд оба они творили словесный
хаос, стремясь выразить только мучи-
тельную путаницу своих ужас и обо-
стоятельно индивидуальных ощущений. Ох-
отно это были талантливые люди, и в
них можно бы кое-чему поучиться. Но,
как видно, учиться мы не очень хотим.

А вокруг нас большие тысячи молоде-
жи охвачены жаждой знания, пролетари-
ат быстро укрепляет и развивает си-
лы свои, создавая новую интеллиген-
цию, она уже предъявляет в литературе
все более высокие и серьезные требова-
ния, и у нас вполне возможно такое по-
ложение, при котором массовый читатель
будет идеологически и культурно гра-
мотнее писателей. Повторю, еще раз:
идеологически и художественно точное
изображение нашей действительности в
литературе повелевает требовать богат-
ства, простоты, ясности и твердости
языка.

Теперь о «бойкости». В понятие
«бойкость» вместо с быстротой сообра-
жения и поступков всегда включается
легкомысленное, поверхностное, непро-
думанное отношение к людям, к различ-
ным явлениям жизни. Бойкий человек
торопится показать себя людям, непо-
хожим на них, обратить на себя внима-
ние близких, выскочить вперед, поко-
кетничать словом, новеньким костюмом
и даже лохмотьями старого. Лохмотья
тоже могут украсить человека, и мы
знаем, что среди нищих есть немало та-
ких, которые отлично умеют расковы-
рять своей внешности. Известно также, что
есть люди «лихие духом», они счи-
тают основным достоинством и украше-
нием пережитые ими неудачи, несчастия
и, желая показать миру свою исключи-
тельность, назойливо рассказывают о
своих личных страданиях, не умея, а
иногда и сознательно не желая вызвать
общесоциальные причины, коими эти
страдания обусловлены. Не желают по-
тому, что боятся поставить себя в бес-
конечный ряд «страдальцев» и признать
для себя необходимость активного уча-
стия в борьбе против источников всех
страданий. Не желают потому, что им
больше всего «по душе» роль живых
жизненных «жучков», людей, которые дей-
тельно раздумают привычные для эсте-
тов страдания, мрачные «достоевские»
условия жизни, достоевскую философию

ценности страданий. Не желают, нако-
нец, потому, что спусить мир потянет,
а мне чтобы чай пить». Все эти красивы-
е воспитаны и неизлечимо отравлены
обществом лавочников, в котором, как
известно, «человек человеку — враг».
Бойкий человек — духовный родственник
им, ибо он индивидуалист и едва ли из-
лечимый.

Как заявляет он о себе в нашей со-
ветской литературе, которая работает на
кануне организации безклассового обще-
ства, которое будет построено на ярких
индивидуальностях, но не может и не
должно включить в себя представителя
либерального индивидуализма и анар-
хизма?

Я довольно хорошо знаю тип дорево-
люционного литератора, в большинстве
это — малю приятный тип, мягко говоря.
Но я утверждаю, что дореволюционный
литератор не употреблял так часто и
громко местоимения «я», как это приня-
то нашими литераторами из разряда
бойких.

Если прислушаться к шуму в теку-
щей литературе, услышать, что в нем
преобладает звук «я», «я начал пи-
сать», «я пишу», «я кончил», я-я-я!
Ожидаешь, что скоро начнут рассказы-
вать: я поругался с женой, я ходил в
баню, я видел себя во сне с Габриэлей
и Аннуцио и т. д.

Торопливое стремление заявить о бы-
тии своем и деяниях своих приводит к
тому, что человек, написав первую часть
книжки и видя, что она не обратила на
себя должного внимания, пишет во вто-
рую ее часть, а новую книгу. Это ве-
редный случай, и это очень плохо, ибо
говорит о том, что человек вовсе не
увлечен материалом первой своей книжки
и что ему все равно, о чем писать, лишь
бы сделать шум и вкусить от «фиала
славы».

Наиболее шумным писателем из груп-
пы бойких у нас является драматург Ви-
шневский. Он именует себя «новатором»
в области драматургии. Он находит, что

сотоварищи его «спершишивают Толстого,
Ибсена, Достоевского, Чехова, Гоголя,
Рышкова, и он написал «Оптимистиче-
скую трагедию» по форме пьес Леонида
Андреева «Царь Голот», «Жизнь челове-
ка». Ничтожного Рышкова Вишневский
поставил рядом с Толстым и Гоголем,
очевидно, для «унижения» классиков.
Но настроению своему Вишневский со-
ответствует «почвенниками», а эти последние
утверждают, что «писать надо метлой»,
«жиром» и т. д. Бескультурье «почвен-
ников» мешает им ознакомиться с мо-
тивами, источниками и материалом творче-
ства классиков, которые отлично могли
бы научить их, как честно и серьезно
следует работать. Но, не торопясь учить-
ся, «почвенники» спешат учить «начи-
нающих» писателей, при чем обучение
сводится к захватыванию и, посредством
захватывания, — к порче молодежи.

Далее: считающий себя «новатором»
Вишневский дает на 27 странице «Оп-
тимистической трагедии» случай с кошель-
ком, в краже которого женщина обвиня-
ла матроса, — за что товарищи убили его
— «воруй!» — а затем нашла кошельк у
себя в кармане, за что матросы вбили
ее — не ошибайся! Случай этот дан в од-
ном из рассказов Ивана Вольного, с той
несущественной разницей, что действи-
ют не матросы, а солдаты в «теплушке»
на ходу поезда и что женщина — стару-
ха. Для новатора такое совпадение фак-
тов странно.

Вишневский против реализма, он за
«новые формы». Но у него матрос гово-
рит женщине: «Выпалась на тебе хо-
чув», а это как раз реализм, да еще гру-
бейший и притом ненужный. Такой же
реализм заключен в отвратительной фра-
зе Сипило: «Революционный сифилис»
лучше здорового контрреволюционне-
го. И вся пьеса глубоко реалистична
не только по разговору грубого язы-
ка, но и по смыслу ее. Смысл — бес-
страстная гибель отряда матросов-рево-
люционеров. Да, это трагедия, хотя «но-
вое» толкование трагедии как литератур-

ной формы Вишневский весьма спорно
и туманно. При чем здесь «оптимизм»?
Ведь погибают не враги! Вообще попыт-
ка Вишневского выступить в роли Тео-
фила Готье едва ли может быть призна-
на удачной. Он хочет быть романтиком,
о чем и кричит на протяжении всей
пьесы, а также и в сценарии, прило-
женной к ней.

В сценарии он спрашивает: может
ли «хорошая форма, но абсолютное ста-
рая, закономерно выросшая на старой
почве, быть адекватной тому, что мы
имеем в области социальных сдвигов»?
Конечно, может, ибо в этой «старой фор-
ме» есть неоспоримое достоинство — ее
тренинг, чистый язык, ее техническая
грамматика. Ни у кого из старых писа-
телей Вишневский не найдет такой бес-
толковой фразы, как его фраза: «Укра-
ин пересекают степи, новороссийские сте-
пы и Тагарию». К тому же: невозможно
познание, которое отрицало бы предпе-
рвавшие ему знания, как учили нас
Маркс, Ленин, учил Сталин.

Вишневский явно хочет быть роман-
тиком, против этого нельзя спорить, ибо
серьезная действительность требует ро-
мантизации уже не только у нас, но и
европейской и китайской, поскольку в
Китае и Европе новую действитель-
ность создает революционный пролетари-
ат. Революционный романтизм — это,
в сущности, псевдоним социалистиче-
ского реализма, назначение коего — не
только критически изобразить прошлое
в настоящем, но главным образом — спо-
собствовать утверждению революционно
достигнутого в настоящем и освещению
высоких целей социалистического буду-
щего. Романтизм Вишневского покажет
сводится к невозможным преувеличениям.
Так, например, на 92 стр. где книги он
рассказывает о матросе, который «на-
тергал целый котелок» бриллиантов с
«печкой бойкой матери» в Казани.
«Целый котелок» с одной иконы — мно-
говато, т. Вишневский, надо убавить!
На котелок же хватило бы «бойкой ма-

тери» со всех икон всех церквей Казан-
и. А кроме того, настоящие драгоцен-
ные камни не точили в руках явон,
хозяева первой обычно хранили такие
камни в сейфах банков и превращали
их в деньги. Это особенно практикова-
лось именно в Казани, после того как
была в десятых годах украдена знаме-
нитая «чудотворная» икона «Божьей
матери».

Какие мотивы заставляют меня пи-
сать все это? Во-первых, невольно
недостатки их, литераторов и вообще
людей, гораздо приятнее говорить об их
достоинствах, но долг каждого из нас,
товарищи, — взаимно способствовать
росту наших достоинств. Молодым лите-
раторам нашим вообще свойственна
«бойкость» и торопливость на пути к
славе, этим и объясняется крайняя не-
брежность их работы. Отрицать сей
начальный факт могут только те критики,
которые, читая книги, не замечают ре-
зкого разрыва между языком авторов
и фактическим материалом книг, между
формой и сущностью, между намерением
и исполнением. Различение это все та-
рост, и чем ярче, красочней, значитель-
ней развивается наша действительность,
тем более ясно и тревожно слышится,
как туго звучит язык, как померк-
ло, хотя и размахисто, изображает-
ся чудесная наша жизнь. Не отрицай
обилие молодых талантов, искренно и
радостно люблюсь ими, я все-таки «был
тревогу» и буду неустанно делать это.
Честные люди поймут, что это необо-
димо, и надеюсь, что, отбросив проти-
вличные и групповые пристрастия, они тоже
признают — пора признать! — тот факт,
что литературная работа должна быть
дружным, коллективным, боевым делом
глубочайшего культурно-революцион-
ного значения. К этому зовут нас грозный
голос событий на Западе и на Востоке,
событий, от участия в коих нельзя от-
ступать, только пожертвовав ради
пользы семей революционеров, ин-
тересов мерзавцев.